

¹Академия руководящих кадров бундесвера,
Германия, г. Берлин

²Казахский национальный университет имени аль-Фараби,
Республика Казахстан, г. Алматы

*E-mail: gulzhikhan-nurysheva@yandex.ru

ФРИДРИХ НИЦШЕ: ЕСТЕСТВЕННОСТЬ СТАНОВЛЕНИЯ И ВЕЧНОЕ ВОЗВРАЩЕНИЕ

Более ста лет длится слава Фридриха Ницше. Количество работ, посвящённых Ницше, уступает лишь потоку исследований философии Гегеля. Произведения Ницше очень популярны. Издано полное собрание его сочинений на русском языке. От кого и в каких контекстах только не приходится слышать про аполлоновское и дионисийское начала, переоценку ценностей, вечное возвращение, волю к власти и человеческое, слишком человеческое. Важнейшие понятия и принципы воззрений Ницше поддаются рассмотрению в форме очерков во всё новых контекстах, что, несомненно, увеличивает их «объёмность» и возможность их правильной интерпретации. А жизненные обстоятельства этого философа постоянно «рефлексируются» в его творчестве. Это позволяет определять воззрения Ницше как «философию жизни».

Огромное место в философии Ницше занимает проблема творчества и принципиального различия между людьми высокоталантливыми («гениями» или «сверхлюдьми») и людьми простыми, бесталанными. Для Ницше эти различия более важны, чем различия национальные, расовые, социальные или даже гендерные. Эта сторона его творчества мало исследована в казахско-русскоязычной литературе.

Двойственность Ницше проявлялась почти по каждой выдвинутой им проблеме: соотношение рационального и иррационального в человеке; доброго и плохого; национального и общечеловеческого, творческого и тривиального и т.д., и т.п. Эту двойственность неправильно было бы отождествлять с диалектичностью его воззрений.

Свою внешне банальную, если не учитывать его болезни, жизнь Ницше прожил в такой смертельной схватке с самим собой (глубоко верующий – радикальный атеист) и с прошлой мировой культурой (знаток классической филологии – беспощадная переоценка греческого рационального мышления, как и рационалистических философских систем вообще), что при первом прочтении испытываешь некоторое изумление перед мощью его духовной природы и силой его убедительности. К этому добавляется и то обстоятельство, что важнейшие события истории XX века, в особенности войны, революции и конфликты с ужасающими человеческими потерями, наступающим

атеизмом, пересмотром содержания моральности и аморальности и др., Ницше предсказал. И в его словах: «...кажется, я держу судьбу человечества в своей ладони» – нет преувеличения.

В данной статье мы ставили задачу рассмотреть одну из проблем, поднятых в его творчестве: естественность становления и вечное возвращение.

По его мнению, действительно ценным является естественное, природное существование, естественные изменения, естественное становление, естественное развитие. Всё естественное «невинно», независимо от того, к чему его становление привело [1]. Кроме того, Ницше устраняет не только учение о грехах, но и учение о добродетелях. Естественными у него остаются только эстетические качества и оценки: отвратительный, притягательный, гармоничный, восхитительный, яркий, тусклый и т.д. [2]. Наличие бытия имеет единственное оправдание – эстетическое. Естественная жизнь необходимо несправедлива и алогична, она не знает, что есть справедливость и логика. Их вносят в естественную жизнь противники естественного. Жизнь есть самоцель и каждый человек естественным образом становится лишь тем, что он есть. И это, несмотря на воспитание, образование, окружение и т.д.

Для Ницше мораль есть симптом психического состояния человека [3]. Моральную дегенеративность нельзя рассматривать изолированно от психической дегенеративности. Порок или добродетель есть следствия психических особенностей человека. При таком подходе этическое теряет свою самостоятельность. Более того, Ницше приходит к выводу, что всё, что случается с человеком, есть судьба [4].

Учение о вечном возвращении нередко пытались объяснить физическими (природными) процессами. Иногда и Ницше к этому склонялся, используя позитивистский понятийный аппарат с тем, чтобы это учение стало понятным возможно большему кругу людей. В литературном наследии Ницше мы можем найти фрагмент 8 (81) от февраля 1883 года: «Я не хочу жизни ещё раз. Как я перенёс эту жизнь? В процессе творчества. Что мне придаёт силы выдержать такой взгляд? Взор на сверхчеловека, который жизнь приветствует. Я и сам пытался её приветствовать – Ах!» [5].

Ницше объясняет, что вечное возвращение не есть нечто механическое. Это лишь постоянное повторение идентичных случаев с качественно разными составляющими [6]. В «Ессе Ното»

(«Смотри, какой человек!») он говорит о принципе творческого пессимизма, и том, «что учение Заратустры вполне могло бы быть распространяемым и Гераклитом» [7]. У Ницше судьба и детерминизм соединены в форме тезиса о вечном возвращении вещей и событий. Эта мысль уже наличествовала у мыслителей античности. У них она служила преодолению нигилизма, для того, чтобы открывался горизонт в новую вечность. Важное место в философии Ницше имеет утверждение «Бог мёртв» (Gott ist tot). Из этого положения следовал нигилизм. Так у Заратустры «Nichts mehr ist wahr» (ничего не истинно, всё разрешено) [8]. Здесь уместно отметить два обстоятельства.

Первое. У одного из героев романов Достоевского имеется та же мысль, но выраженная в более доступной для всех форме: «Бога нет – всё разрешено». Второе. «wahr» в немецком языке обозначает и «истинно», и «подлинное», «настоящее», не поддельное. И если это так, то фразу из Заратустры можно превести и так: «ничего настоящего нет, всё разрешено» Правда это будет звучать ещё более диковенно, чем у Ницше.

Если нет ничего истинного и настоящего, а всё видимость и всё поэтому разрешено, то понятие долга теряет смысл. «Ты должен» («Du sollst») уже не имеет у Ницше никакого морального и теоретического значения. А что же выступает на место «Ты должен»? На его место выступает «Я хочу» («Ich will») людей-господ. Однако в первой своей речи о троекратном обращении духа Заратустра осознаёт, что за «Я хочу» стоит и «Я обязан» («Ich muß»), не должен, а именно обязан. Человек хочет лишь то, что он уже есть («Man will immer nur, was man schon ist.»).

Это таинственное и, на наш взгляд, глубокое утверждение. Как же толкует его Ницше? Наше «Я» есть наша судьба, наша свобода – это наша необходимость, которой мы и следуем. Не необходимости вообще, а своей необходимости: потому-то мы и свободны. У человека-личности свобода и необходимость неразделимы.

Гераклит и Ницше. Сходства. Гераклит из Эфеса (544-484 д.н.э.) по прозвищу «тёмный» рождён в старинном дворянском роду, но своё право на королевское достоинство отдал младшему брату, занялся наукой и вошёл в память человечества. А кто помнит о его младшем брате? Вопрос риторический.

Подобные аналогии имеются и в истории знатных казахских мыслителей. Известно, что Шакарим после смерти Абая полностью изме-

нил свое мировоззрение, поняв, что жизнь прожита бессмысленно, что смысл жизни не в служении власти и эгоистическим принципам:

Өкініш сол – өмірді босқа өткіздім,
Өлсем ойдан кетер ме соның зәрі.
Білген адам баянсыз іс қылар ма,
Қолда болып тұрғанда ықтияры [9].

Поэтому всю оставшуюся часть жизни он посвятил изучению науки и оставил после себя великолепные произведения, которые вошли в бесценное наследие казахского народа. Несомненно, в этом он был свободной личностью, хотя в обществе испытал экзистенциальное одиночество. Но внутренняя свобода помогла ему преодолеть все жизненные пережитии.

Свои сочинения, в том числе и главный свой труд «О природе», Гераклит оставил в храме Артемиса Эфесского. Из всех этих его сочинений до наших дней сохранилось только, в силу zig-zagов истории, 130 более или менее достоверных фрагментов. Но они оказались весьма важными для европейского рационалистического и иррационалистического философствования. Настолько важными, что и Гегель, и Ницше включили их как доказательство, обоснованное древностью, их собственных представлений.

Эти фрагменты – остро сформулированные и весьма впечатляющие для каждого думающего человека высказывания. Они не представляют собою какую-то логически строго связную систему, хотя по духу своему они и не противоречат друг другу. Но их краткость позволяет трактовать их различным и даже противоположным образом. На основе этих трактовок Гераклит «тёмён», а не сам по себе. Это заметили и Гегель, и Ницше.

Стиль его высказываний торжественный и пророческий. Гераклит внушает истины в последней инстанции. Уже на основе вышесказанного можно отметить, что поздний Ницше весьма похож на Гераклита. Берём только некоторые высказывания последнего: ничто не пребывает в состоянии покоя; сущность мира заключается в становлении; этот мир существует извечно, сам по себе и лишь меру его изменений можно рассматривать как собственный разум этого единственного мира; мир изменяется циклами и т.д.

И все последующие высказывания Гераклита по духу весьма близки Ницше. Мудрость не открывается многознающим, но имеющим действительное знание. Действительное знание постигается через познание самого себя. Мыслящему человеку свойственно познавать себя. О

себе Гераклит говорил: «я исследую себя» (или в другом смысле «я ищущий себя самого»), «Война всеобща, и право есть борьба, и всё живое возникает через борьбу и необходимость».

О релятивизме Гераклита. Аристотель высказывался однозначно: если всё есть поток становления, то никакая наука, никакие окончательные истины невозможны. Все наши понятия, установленные законы, говорят о чём-то постоянном, являются как бы схематическим отражением этого постоянного. Если всё является потоком становления, то эти понятия и законы оказываются фикциями, говорит Аристотель в своей «Метафизике».

Среди последователей Гераклита были и номиналисты. Так, например, Кратил, утверждал, что ничего общего вне мышления нет, а есть только фрагменты потока становления. К такому пониманию были близки и Ницше, Клагес и др. Но на Гераклита надо в таком утверждении ссылаться с осторожностью: в потоке становления он видел и противостоящее непрерывному изменению – закон и логос. И поэтому для Гераклита наука была возможна. И критика Аристотеля справедлива по отношению к некоторым интерпретаторам Гераклита, а не к нему самому.

Но так всегда ещё было: самостоятельных мыслителей можно только интерпретировать, чем и занимаются как так называемые «последователи», так и их противники. По следам Гегеля мог бы идти только сам Гегель: другие не вмещаются в эти «следы», или выходят, но в большом тумане самых невообразимых спекуляций, за эти следы. Не говорим уже о противниках великого мыслителя – у них иное миропонимание, которое и надо было бы развивать, а не интерпретировать того, кого они не понимают.

Другие положения Гераклита: «Для Бога всё хорошо, прекрасно и справедливо; однако люди одно приняли как несправедливое, другие – как справедливое.» (Фрагм. 102). Да при этом одни люди считают справедливым одно, а другие – другое. Ницше, как и Гераклит, указывал, что всё все в окружающем его социальном мире подтверждает такой подход: унаследованный от предков образ жизни, существующая религия, считавшихся великими людей и учения, политическое состояние родины, животное в поведении людей, мало приобщившихся к мышлению и духовности и т.д.

Некоторых людей, которые по общему мнению были великие, Гераклит считает не только мелкими, но и недостойными. Гомер у него не выдерживает никакой критики и его надо наказывать

палками. А Гесиод, Пифагор, Ксенофан своими писаниями лишь доказывают, что многознание не равно разумности и мудрости. В особенности он критикует Пифагора, который много вычитал из самых разных источников и пытался вычитанное представить как собственую мудрость. Гераклит полагал, что большинство людей плохо и лишь меньшинство хорошо (фрагмент 104). «Один для меня больше чем десять тысяч, если он лучший» (фрагмент 49). И, более того, «Закон означает и воле отдельного человека, единственного человека следовать.» Гераклит различает закон и право и ставит на первое место закон и того, кто его создал.

Философ не сомневается в бессмертии. «Человек и предположить не может, что его ждёт после смерти.»; «Большое, смертельное несчастье влечёт за собою и большую награду.»; «Там службу несут сторожа и для живых, и для мёртвых.»

О счастье Гераклит полагал, что главные его составляющие не телесное благополучие, хотя значимость его он и не отрицал. Если бы счастье определялось телесными удовольствиями, то самым счастливым был бы бык, стоящий на краю поля цветущего гороха и пожирающий этот горох. А рядом паслось бы стадо молодых тёлочек. «Людям не было бы лучше от того, что они получили бы всё, что они пожелают». Влечения сильны «и бороться против сердца тяжело: сердце всё, что пожелает, у души выкупает.» «Плохие свидетели для человека глаза и уши, если он имеет варвара душу.»

Принцип противоречивости. Этот принцип Гераклит демонстрировал на примере самых разных противоположностей: сама противоположность, расколотовость, рядоположность и внеположность, полярность, целое часть, единство-множество, единство-разделённость, жизнь-смерть, бодрствование-сон, день-ночь и др. (фрагмент 81). На это понимание противоречивости ссылались и Аристотель. Природа из противоположного творит гармонию. Например, когда соединяет мужчину и женщину. В живописи смешиваются белые и чёрные краски. В музыке смешиваются высокие и низкие, длинные и короткие тона, звучание и молчание (паузы), в языке – существенное и сказуемое и т.д.

Противоположность, согласно Гераклиту, плодотворна, полна жизни и порождающей силы. В этом плане можно толковать знаменитое положение, так возмущающее пацифистов:

«Война есть отец всех вещей, король всех вещей» (фрагм. 53); «Надо знать, что война всеобща», «Одних она показывает как богов, других – как людей; одних делает рабами, других – свободными». Павшие на полях войны бессмертны. Они почитаемы и богами, и людьми. Люди лучшие предпочитают вечную славу преходящим вещам повседневной жизни. Надо отметить, что до сих пор существует поверье: назвать имя погибшего – всё равно, что на миг вернуть его к жизни. 1 миллион казахстанцев воевали на полях Великой Отечественной войны. 500 тысяч из них не вернулись. Помните их имена.

Уже говорилось, что многознание не означает мудрости. Однако это вовсе не означает, что можно пренебречь знаниями: мудрецы должны много знать, хотя многознание само по себе и не делает мудрецом. И это потому, что цель познания не знания сами по себе, а знание как способ направления людей на правильный путь жизни.

Влияние Гераклита. Гераклит, как Ницше, не основал школы, он не имел учеников. В древности Гераклита уважали, но как нечто чуждое. Сократ на вопрос Эврипида о его отношении к Гераклиту отвечал так: «То, что я понял в нём, попадает в точку, превосходно; и я убеждён, что и то, что я не понял таково же». На Гераклита ссылались стоики. Они, начиная с третьего столетия д.н.э., приняли логос Гераклита в качестве всепроникающего мирового разума и как судьбу. Гегель восхищался им и утверждал, что принял в свою логику каждое из известных высказываний Гераклита. Первая научная работа Карла Маркса была посвящена ему. Лассаль написал вину о нём. Ницше ставил Гераклита выше всех европейских мыслителей. Со времён Анаксимандра принцип противоречивости вошёл в европейскую философию. Этот принцип принимали Пифагор и пифагорейцы, но только у Гераклита он был господствующей формой мышления. Более того, в Евангелии от Иоанна (вторая половина первого столетия) и с тех пор во всей христианской теологии, Логос рассматривается как слово божие. Ну куда без Гераклита! Понятие логоса относится к одному из основных у Гераклита. Логос для него есть единое в различном; мера возрождения и погасания в вечном становлении; божественный закон, который всем управляет и из которого проистекают (дословно у Гераклита – «питаются») и все человеческие законы (фрагменты 2,30,114). Логос – имманентный, всеобъемлющий закон становления [10].

Литература

- 1 См.: Werke, Bd. XII, S. 68.
- 2 См.: Werke Bd. XII, S. 76.
- 3 Воля к власти, Афоризм 334.
- 4 Ecce homo. Warum ich so klug bin. Aphorismus 10.
- 5 Müller-Lauter W. Nietzsche. Seine Philosophie der Gegensätze und die gegensätze seiner Philosophie. 1971, S. 159.
- 6 Nietzsche F. WzM, Aph. 1066; KTA 78, 696 und III. 526; Mazzino Montinari-Notiz von 19676 in: NSt. 18, LXXI, 1989; KSA 6, 313, Geburt der Tragödie...
- 7 KSA 6, 313, Geburt der Tragödie...
- 8 Zaratustra. IV, Der Schatten.
- 9 Нұрышева Г.Ж. Өмірдің мәні: философиялық-антропологиялық талдау. – Алматы, 2011 (274).
- 10 H. Diels. Die Fragmente der Vorsokratiker. Berlin 1934-1937, Hrsg. W. Kranz, 3 Bände; K. Reinhardt. Heraclitea. Hermes 77, 1942.

References

- 1 См.: Werke, Bd. XII, (68).
- 2 См.: Werke Bd. XII. (76).
- 3 Volia k vlasti. Aphorismus 334.
- 4 Ecce homo. Warum ich so klug bin. Aphorismus 10.
- 5 Müller-Lauter W. Nietzsche. Seine Philosophie der Gegensätze und die gegensätze seiner Philosophie. 1971 (159).
- 6 Nietzsche F. WzM, Aph. 1066; KTA 78, 696 und III. 526; Mazzino Montinari-Notiz von 19676 in: NSt. 18, LXXI, 1989; KSA 6, 313, Geburt der Tragödie...
- 7 KSA 6, 313, Geburt der Tragödie...
- 8 Zaratustra. IV, Der Schatten.
- 9 Nuryseva G.Zh. Omirdin mani: philosophialyk-antropologialyk taldau. – Almaty, 2011 (274).
- 10 H. Diels. Die Fragmente der Vorsokratiker. Berlin 1934-1937, Hrsg. W. Kranz, 3 Bände; K. Reinhardt. Heraclitea. Hermes 77, 1942.